

И. Кант и современные социальные ценности

Общеизвестен факт – чем величественнее фигура мыслителя, тем шире спектр вопросов и проблем, которыми он занимается, тем значимее его влияние на современников и историю. Это положение претендует на статус закона, который, кстати, никто никогда не доказывал и не опровергал. Независимо от сферы приложения сил – астрономии, математики, философии, биологии, этики, теологии или других отраслей знания – плоды творчества ярких мыслителей всегда выходят за пределы пространственных и временных координат их жизнедеятельности. Так случилось и с философским наследием И. Канта.

В центре творческих исканий великого немецкого теоретика находились, прежде всего, вопросы гносеологической интерпретации философского и естественнонаучного знания, оснований и границ познавательного процесса, механизмов его функционирования. При этом он всегда помнил, и это получило должное отражение в работах, об ответственности философа перед обществом, о месте и роли в жизни индивида и цивилизации таких ценностей как гуманизм, мир, свобода, долг, красота, творчество и др. О некоторых проекциях кантовской философии в современность мы и поговорим в этой статье.

Последовательно отстаивая мысль об активности субъекта познания, философ был одним из первых в истории философии, кто убедительно показал взаимосвязь познания и творчества. Последнее – уникальная человеческая способность, дающая возможность личности подняться над миром своего бытия, изменять действительность соответственно собственным потребностям, используя при этом внутренние потенции объектов. В творчестве деятельность превращается в самодеятельность, а индивид становится действительно создающим существом, развивающим как себя, так и окружающую среду. Общественный, научный, технический, технологический прогресс непосредственно связан именно с творчеством. Об этом убедительно свидетельствует логика исторического развития человечества. Потому-то творчество в цивилизованном

обществе рассматривается как одна из фундаментальных социальных ценностей.

При осмыслении наследия И. Канта принципиально важно постоянно помнить, что в его философском учении теоретический разум, при всем его величии, подчинен потребностям разума практического. Сфера функционирования последнего – нравственность. Нравственная проблематика в работах мыслителя – не просто закономерное, логическое продолжение проблематики гносеологической, а смысловое ядро, посредством которого кантовская философия выходит в сферу практической жизнедеятельности индивида и общества. Учение о категорическом императиве – теория морального закона, регулирующего отношения между людьми в сфере межличностных отношений. Ценность этого учения непреходяща. С особой силой оно заявляет о себе в те периоды развития цивилизации, когда происходит ломка общественных систем, переосмысление мировоззренческих стереотипов и ценностных ориентаций. Кантовский категорический императив можно и стоит трактовать не просто как моральный закон, а как одну из фундаментальных общечеловеческих ценностей. Несомненно, в разные исторические периоды и в разных общественных образованиях он наполняется конкретным содержанием в зависимости от экономических, политических, религиозных и других особенностей бытия социума. Но при этом одно остается неизменным – категорический императив всегда сохраняет статус морального закона. Кроме того, закон этот каждый человек устанавливает себе сам. Иными словами, сохраняя свои атрибутивные характеристики, касающиеся механизма функционирования, категорический императив допускает, даже предполагает, варьирование относительно компонентов своего содержания.

Такая постановка вопроса свою актуальность сохраняет и сейчас. Она созвучна современным дискуссиям философов, этиков, священнослужителей о диалектике абсолютного и относительного в нормах, регулирующих отношения между людьми и отношения между человеком и обществом. И хотя налицо релятивизм этих норм, абсолютное сохраняет свою значимость, независимо, касается это содержания или форм их бытия. И. Кант не случайно обращал внима-

ние на то, что моральный закон существует внутри человека. Эта имманентность и есть одно из проявлений абсолютного в функционировании данной моральной нормы. Человек сам выбирает (устанавливает, формулирует) для себя императивы поведения и с этих позиций относится к окружающему миру, судит о нем, прежде всего о том, насколько реально существующие отношения между людьми соответствуют принятому им моральному закону. Сознательно подчиняясь ему, человек, с одной стороны, выступает как существо свободное, а, с другой – как активное, реализующее свою нравственную волю и жизненные принципы.

Непреходящее значение и для теории, и для практики имеют кантовские рассуждения о влиянии человеческой жизнедеятельности на совершенствование общества, формирование в перспективе общественного строя, создающего условия для развития гражданских свобод у своих граждан. В контексте современной философской и политологической терминологии такое общество называется гражданским. Если И. Кант связывал его с реализацией нравственного идеала, то марксистская философия использует в этой связи близкое, но более широкое по объему понятие – «общественный идеал». Немецкий философ справедливо обращает внимание на то, что путь движения к такому обществу тернист и противоречив. Именно противоречия, объективно существующие в отношениях между людьми, есть источником общественного развития. Люди далеко не всегда осознают, что защищая и отстаивая свои потребности и интересы, вступая в конфликты с другими людьми, ведя войны, они тем самым «льют воду» на великий маховик всемирной истории, подталкивая ее нередко к утверждению, в каждом конкретном случае, общественных отношений, исключая подавление свобод граждан.

И хотя далеко не во всем, особенно относительно логики исторического процесса, можно согласиться с И. Кантом, несомненным и крайне важным в его учении остается положение о желании и стремлении людей жить в правовом, гражданском обществе. Две эти характеристики фиксируют близкие по содержанию, но одновременно разные параметры функционирования социума. Гос-

подство права, защищающего интересы всех граждан конкретного государства, его обязательность для каждого, независимо от должности, места проживания, вероисповедания и т. д., равенство всех перед законом – отличительные черты правового государства и, соответственно, общества, интересы которого обслуживает данное государство. Термин «гражданское» применим не к государству, а именно к обществу. С его помощью фиксируется приоритет общества перед государством, тот факт, что источником власти является именно народ, подчеркивается роль общественных организаций, органов местного самоуправления, общественных движений в обеспечении жизнедеятельности социума, определении и обеспечении стратегических направлений его развития. Ведущий принцип гражданского общества – общество контролирует государство, а не наоборот.

С особой силой вопросы созидания правового государства и гражданского общества заявили о себе после распада Советского Союза на всем постсоветском пространстве. Несмотря на то, что в каждом новообразованном общественном и государственном организме они имеют свое особое звучание, общей остается их злободневность. Общественно-политические события в Украине в конце 2004 года, когда миллионы людей разных национальностей, вероисповеданий, возраста вышли на улицы, чтобы заявить свой протест против фальсификации властными структурами итогов президентских выборов, убедительно показали миру всю силу народного волеизъявления, засвидетельствовали реальную возможность влияния гражданского движения на решение принципиально важных политических и правовых вопросов. Есть все основания для вывода, что в Украине на рубеже 2004–2005 годов гражданское общество состоялось. Можно и нужно дискутировать о степени его развитости, но факт остается фактом. Очень созвучной украинской современности представляется мысль И. Канта о том, что человек должен занять место в мире, подобающее ему.

Неисчерпаемы в своей глубине и разнообразии рассуждения И. Канта о разуме. Постоянно обращая внимание на его силу и многогранность, проводя различие между разумом и рассудком, философ сосредоточивается, прежде все-

го, на критических способностях разума, его внутренних потенциях, обращенности как к внешнему миру, так и к самому себе. В кантовском учении критичность выступает сущностной чертой разума, обрекающей его на величие. Но величие это совсем иное, чем в философии Г. Гегеля, где все действительное объявляется разумным, а разумное действительным.

Второй период творчества кенигсбергского теоретика не случайно называют «критическим». В его работах этого времени критики более чем достаточно: данный термин присутствует в названии основных трудов, критический метод становится главным при исследовании гносеологической, этической и эстетической проблематики, критическая оценка доминирует при рассмотрении процессов общественной жизни. Но это менее всего критика в обычном, традиционном смысле слова – как отношение к объекту путем вскрытия его негативных сторон, обнаружения недостатков. У И. Канта критика – это исследование познавательных способностей субъекта и тех границ, в пределах которых может функционировать знание о соответствующем объекте. Границы эти указывают насколько, как далеко может распространяться компетенция разума. Когда речь идет о критическом методе в кантовской философии (профессор называл его еще трансцендентальным), имеется в виду, что сферой его приложения выступают не познаваемые объекты, а сам познавательный процесс, априорные (доопытные) условия его функционирования.

Современная философия во многом по-иному смотрит на возможности разума, чем И. Кант. Касается это не только гносеологии, но и практики, практики общественной жизни прежде всего. Эволюция философской мысли от классики к неклассике и далее к постнеклассике кардинально изменила и философские акценты, и веру в силу разума. Иррационализм стал характерной чертой большого числа философских направлений и течений. Познавательные процедуры, культивируемые многими современными философскими школами, лишены солидной методологической базы, о которой так заботился великий немецкий философ. Сегодня и «...само толкование разума подчас оказывается невразумительным» [1, с. 10]. Однако, несмотря на многоликую критику разума

за его претензию на всеисилие, не столь уж редкую неспособность адекватно объяснять мир, предупреждать варварство, насилие и беду, носителями которых является все тот же человек, создание оружия массового поражения, продуцирование двойных стандартов поведения и многое другое, он продолжает оставаться одним из центров притяжения философии. Ставка все больше делается на обоснование разумом целей и путей преобразования мира, максимально соответствующих природе и духу человека как существа не только разумного, но и гуманного.

Есть достаточно оснований полагать, что все мы – свидетели завершения интересного, продуктивного и одновременно слишком противоречивого этапа развития европейской цивилизации, начавшегося в Новое время. Этот этап, а соответственно и общество, можно назвать техногенным. Базовыми, исходными положениями его функционирования, получившими надлежащее обоснование в европейской философии выступают:

1. Окружающий мир, прежде всего природа, подлежит активному освоению (познавательному, практическому, духовно-практическому и др.), которое осуществляется в соответствии с человеческими потребностями и интересам.

2. Человек – существо активное, деятельное. Именно посредством деятельности он приспособливается к миру и приспособливает его к себе, т.е. осваивает мир.

3. Человек – существо суверенное, поэтому для него крайне важна свобода, как личная, так и коллективная.

4. Отношение к объектам познания и практики – это отношение с позиций силы (интеллектуальной, духовной, физической и др.) и власти (личной, групповой, экономической, политической и др.).

5. Основу власти над миром, природой в первую очередь, составляют знания. Определенное знание, среди других своих проявлений, – это прежде всего техника. Она играет существенно важную роль в освоении и подчинении человеком себе предметного мира.

Постепенно формируется и в ряде моментов о себе все сильнее заявляет новый этап развития цивилизации, в котором базовой ценностью выступают не знания и не техника, а человек. Как здесь не вспомнить известные всем слова античного философа, что «человек – мера всех вещей». В этой ситуации разум не теряет своего престижа. Изменяется лишь статус рациональности. На смену сильно рационализированному отношению человека к миру, когда пальма первенства принадлежит потребностям и интересам первого, когда в основу целесообразности ставятся личная выгода, прибыль, присвоение, когда, как правило, не только не учитываются, а, наоборот, игнорируются потребности объекта познания и практики, постепенно приходит новый тип освоения, в котором есть место высокой морали, охране окружающей среды, воспроизводству флоры и фауны, заботе об интересах будущих поколений, терпимости к инакомыслию. Невольно эту ситуацию хочется скоррелировать с кантовским категорическим императивом. Последний, как известно, удивительным образом сочетая сильные и слабые стороны, во многом был, есть и будет нравственным идеалом, несмотря на содержательную абстрактность. Утопично было бы надеяться, что кантовское пожелание рассматривать человека как цель, а не как средство, будет возведено в современном обществе до уровня общеобязательного морального принципа. Но при этом нельзя не видеть позитивных сдвигов в данном направлении как на уровне общественного сознания, так и в сфере общественной практики.

Особую актуальность для цивилизации, вступившей в XXI век, имеют слова И. Канта о долге и ответственности человека перед другим человеком и человечеством в целом. Разум, наконец, должен обнажить всю свою глубину и показать силу, сделав мир действительно разумным. Возможно ли это вообще, покажет история. Но путь осиливает только идущий. Закат техногенной цивилизации и формирование новой, условно ее можно назвать антропологической, означает не отрицание разума и рациональности как способа его реализации в гносеологии и практике, а лишь смену типа рациональности. Осуществляются сдвиги как на уровне смысложизненных ориентиров, так и в способах их обос-

нования. Можно и нужно говорить об очеловечивании рациональности. В современном обществе она все больше теряет свою обездушенность и грубый расчет. Потеряное восполняется духовными ценностями и нравственным потенциалом. Настало время для действенных шагов по преодолению пропасти между субъектом и объектом в гносеологии (в отдельных философских школах это успешно осуществляется), обществом и природой, политикой и моралью. Все громче звучат голоса ученых и философов, призывающих отказаться рассматривать мир в целом как область неживого (о живой природе в этом контексте речь не идет), противостоящего человеку. Нужен другой взгляд и другой подход. Их суть в том, что мир – система человекомерная. И тогда экономика, политика, право, экология и многое другое выступают как сферы, наполненные человеческим присутствием. Их функционирование на принципах самоорганизации соотносится с вектором бытия человека в мире в целом и в каждой из данных сфер отдельно.

Все большую значимость приобретают коммуникативные процессы. В самой философии это находит проявление в возрастании внимания к герменевтической проблематике, а в философии постмодернизма – к вопросам специфики функционирования и влияния на человека виртуальной реальности. Существенные изменения претерпевает феномен гуманизма, о котором так много размышлял и писал И. Кант. Особенно это касается его работ по этике. Будучи представителем Нового времени, философ в своих исканиях относительно гуманизма не выходит за пределы бытовавшей в ту эпоху трактовки его как абстрактного принципа, регулирующего отношения между людьми и не зависящего от экономических, социальных и других процессов, происходящих в обществе. Стремление И. Канта и в гносеологии, и в этике, и в эстетике искать вневременные и общезначимые постулаты, принципы и законы, оторванные от логики исторического развития, своим следствием имело абстрактность этих образований. Гуманизм в этом контексте – не исключение. Пройдет довольно много времени, пока в философии начнут говорить не об абстрактном, а реальном гуманизме. И в этом плане нельзя не вспомнить марксизм.

Конец XX – начало XXI века – сравнительно небольшой отрезок времени, родивший новый подход к гуманизму: гуманизм как признание и уважение ценности чужого опыта (опыта другого). При таком понимании этого принципа и возможным, и необходимым становится диалог между субъектами, в процессе которого не исключена взаимная толерантная критика. Насущным является поиск разумного компромисса при решении вопросов, составляющих предмет диалога. Постепенно, с великим трудом, но все-таки уходит в прошлое позиция, что все люди разные и понимать другого не обязательно. Далеко не последнюю роль в преодолении такого стереотипа сыграли достижения техники, позволившие снять многие барьеры в общении, расширившие информационное поле человеческого бытия, сделавшие доступными ранее закрытые источники информации. Кардинально меняется содержательная база разума, она становится шире и глубже. Одновременно, как подчеркивалось выше, все более сильным становится его нравственный потенциал. Используя понятийный аппарат кантовской философии, можно утверждать, что в современных условиях и теоретический (познающий), и практический (действующий) разум получили новый мощный импульс для развития. Как он будет осуществляться, покажет время. Несомненным есть одно: разум сохраняет величие, независимо от критики в свой адрес и меняющегося мира.

Особое место в творчестве И. Канта занимают мысли о мире как форме сосуществования народов и государств. Их очевидной основой есть его учение о морали. Одновременно нельзя не заметить, что в своих рассуждениях о мире философ выходит далеко за пределы собственных моральных исканий, максимально вторгаясь, и это вполне естественно, учитывая предмет разговора, в сферы политики и права. Иными словами, здесь ярко выражен социальный контекст проблемы. Взгляды И. Канта на вечный мир удивительным образом соединяют в себе утопию и реальность. Желание вечного мира для народов и государств объективно противоречит самому диалектическому духу его философии, акцентирующей внимание на противоречиях (антиномиях), взаимопереходах противоположностей, изменчивости действительности. Если строго следовать

логике кантовских рассуждений, то мир должен иметь статус, во-первых, вечной, во-вторых, изменчивой сущности.

В реальной жизни дело обстоит иначе. Мир как форма, способ сосуществования индивидов, малых и больших общностей людей, народов, обществ, государств всегда конкретно историчен и вариативен. К сожалению, мир не обладает характеристикой тотальности. Его противоположность – война – время от времени заявляет о себе в больших или меньших масштабах, имея своим основанием самые различные противоречия. Мир всегда хрупок, как, впрочем, любая гармония или просто единство. Функционирование каждой развивающейся системы всегда осуществляется путем взаимодействия противоположностей, которые, как известно, находятся либо в состоянии единства, либо борьбы. Восхождение последней до уровня активного антагонистического противостояния противоположных сторон – не такая уж и редкость. Поэтому вести разговор о мире с позиций общей методологии – дело не очень благодарное. Но уже сама попытка делать это заслуживает уважения. Принимая во внимание стремление И. Канта обосновать универсальный моральный закон, регулирующий отношения между людьми, нельзя не приветствовать его стремление выйти в этом контексте за пределы чисто моральной сферы и сделать свой вклад в разработку проблемы мира.

Если серьезно проанализировать сформулированные немецким теоретиком основные положения Договора о вечном мире, то в глаза бросается оторванность многих из них от практики общественной жизни. Например, постоянные армии со временем должны полностью исчезнуть, не могут использоваться во внешнеполитических целях государственные долги, сама природа человека является гарантом вечного мира и др. Что это – простая наивность, страстное желание искоренить варварство войны, философская вера в торжество мира, убежденность в силе категорического императива? Однозначный ответ найти сложно. Но не может не впечатлять то упорство, с которым И. Кант отстаивает идею вечного мира. Симптоматична и эволюция его взглядов по этому поводу.

От светлого оптимизма работы «К вечному миру» – к относительно здоровой оценке состояния дел в труде «Метафизика нравов».

По современному актуальны размышления философа о союзе народов, который не является государством народов. Рассуждая о федерализме свободных государств и его позитивном влиянии на достижение состояния вечного мира, он последовательно стоит на защите национального суверенитета. Палитра национальных идей, функционирующих в общественном сознании современной цивилизации, своим обязательным компонентом имеет положение о суверенитете наций и народностей, создании или гарантированном обеспечении функционирования независимых государств и национальных автономий. Не секрет, что многие современные общественные конфликты, войны в том числе, своей основой имеют нерешенные или несправедливо решенные национальные вопросы. Обратной стороной этой медали является агрессивный национализм. Время от времени он активно заявляет о себе, предлагая, как правило, деструктивные программы, провоцирует обострение напряженности и в без того «горячих» точках планеты. Практически во всех государствах, возникших на постсоветском пространстве, в латентной, завуалированной или острой форме, продолжают существовать проблемы, имеющие этническую почву и требующие своего решения (политические, территориальные, имущественные, языковые, образовательные, информационные и др.) .

Нельзя обойти вниманием и мысли И. Канта о предназначении философии. Известные каждому добросовестному студенту выводы немецкого теоретика относительно того, что философия призвана помочь человеку разобраться в вопросах, касающихся его надежд, границ познания и направлений деятельности, не только не устаревают со временем, а, наоборот, приобретают особую привлекательность. Антропоцентрическая направленность кантовской философии мало созвучна современным постмодернистским исканиям, в смысловом поле которых человек очень часто теряется за текстами, структурами языка, познавательными правилами, дискурсивными практиками и многими другими концептами, которые так активно продуцирует постмодернистская философия.

кая парадигма. В этой терминологической неразберихе все явственнее ощущается потребность в четких, логически обоснованных, философски мудрых выводах об основных задачах и путях жизнедеятельности человека в мире активно меняющихся природы и общества. Учение И. Канта здесь очень кстати, особенно в плане конструктивности, открытости философского диалога при поиске ответов на жизненно важные проблемы.

Потенциал кантовской философии столь велик, что своим характером, формулируемыми проблемами, предлагаемыми путями их решения, органической связью с наукой она еще долго будет источником многих философских идей и теорий. Каждое новое обращение к И. Канту, переосмысление уже известного, в том числе его взглядов о месте и роли философии в обществе, актуально и свежо. Несмотря на ведущиеся уже многие десятилетия разговоры об «отмирании» философии, ее угасании, философская мысль уверенно продолжает жить и развиваться. При этом нельзя не видеть, что место и статус философии в современном обществе иные, чем это было во времена И. Канта. Два столетия, прошедшие после его смерти, кардинально изменили мир, проведя его через мировые войны, противостояние общественно-политических систем, подарили величайшие открытия в области атомной энергии, кода ДНК, клонирования живых организмов, освоения космоса, сделали людей более терпимыми к инакомыслию, привели к созданию коммуникативного общества. Объективно резко возросла потребность в философском осмыслении свершившихся изменений и существенно усложнился его механизм. Философии, в ее различных проявлениях, все труднее формулировать смысложизненные ориентиры человеческой деятельности. Ее выводы все менее категоричны и все более вариативны. Современный этап философствования я бы сравнил с периодом «разбрасывания камней». Сохранив свою суть как форма критической рефлексии над основаниями познания, деятельности и оценок, философия потеряла целостность и напоминает разбитое зеркало. Неисчислимо количество больших, малых и маленьких фрагментов – направлений, школ, теорий, концепций – отражают, воспроизводят под разными углами разные стороны одного предмета –

отношения «человек–мир». Претерпев эти изменения, она продолжает выполнять миссию, четко обозначенную И. Кантом, – искать ответ на вопрос «Что такое человек?», но делает это по-иному, чем философия великого немецкого мыслителя.

Литература

1. Давидович В. Судьбы философии на рубеже тысячелетий // *Alma mater* (Вестник высшей школы России). – 2003. – № 3. – М., 2003. – с. 4–12.

